

Семнадцатилетнюю Неворотову Достоевский впервые увидел на семипалатинском базаре, где она продавала калачи с лотка. Очевидно, это случилось в первые дни его пребывания на новом месте службы. Девушка была хороша собой, и «не удивительно, – пишет Феокистов, несколько путаясь в стиле, – что Достоевский заметил ее и подошел к ней ближе, чем он обычно подходил к людям...». Было бы удивительно, если бы он к ней не подошел.

Прекрасная калачница, ничуть не похожая на тех лиц «совмещенных профессий», которые он наблюдал в остроге, тем не менее тоже была, как выразился бы один его персонаж, «из простых-с». Достоевский писал ей письма: их было не менее восемнадцати (одно в стихах!). Е.М. Неворотова хранила их всю жизнь. Она категорически отказывалась – даже за немалую для нее сумму в 500 рублей – предоставить их для печати. В мире литературном об этих письмах практически не ведал никто. Феокистову, который добивался этой чести не один месяц, было дозволено лишь подержать в руках «довольно объемистую серую стопку исписанной бумаги». На первом листе он успел прочитать: «Милая Лизанька. Вчера я хотел увидеть Вас...» – фраза, чем-то напоминающая начало «Бедных людей»: «Бесценная моя Варвара Алексеевна! Вчера я был счастлив, безмерно счастлив, донельзя счастлив!»

Был ли счастлив Достоевский?

Е.М. Неворотова говорила Феокистову, что Достоевский ее любил. Во всяком случае, кроме «Лизаньки» одной только женщине он посвящал стихи, а именно – вдовствующей императрице. Но там были свои резоны. Автор статьи в «Сибирских огнях» не сомневается, что и Елизавета Михайловна «глубоко любила Достоевского». Верная своему чувству, она не вышла замуж и навсегда осталась старой девой.

«Одинокая девственница», как именуется Неворотову одна из ее племянниц, была сиротой. У нее на руках остались малые братья и сестры: поднять их она почитала своей обязанностью и долгом. Та же племянница (Н.Г. Никитина, в 1928 г. пославшая свои заметки Феокистову) уверяет, что в ответ «на полудетский лепет малограмотной женщины» Достоевский «иногда писал ей комплименты», но главным образом «тоном старшего» давал советы и наставления и «*подкреплял ее в борьбе*». Есть подозрение – и весьма основательное, – что Н.Г. Никитина, несмотря на ее уверения в противном, самих писем никогда не читала: она говорит исключительно с теткинских слов.

Сравнительно недавно было обнаружено еще одно свидетельство, относящееся к 1927 г. и принадлежащее другой семипалатинской жительнице, Губенко, к которой после смерти Е.М. Неворотовой письма перешли «по родовой линии». Письма эти, как она говорит, лично ею «хранились в отдельном портфеле и изредка прочитывались».⁷

Но куда же они исчезли?

Осенью 1919 г. в Семипалатинск входят красные – его занимает сформированная М.Н. Тухачевским 13-я Сибирская кавалерийская дивизия. В доме Никитиных, где при белых помещался штаб, учиняется обыск. Вместе с прочими бумагами изымаются и письма Достоевского. Уверения владельцев, что обнаруженные документы не имеют никакого отношения к политике, а принадлежат перу автора «Записок из Мертвого дома», не производят на обыскивающих ни малейшего впечатления. Дальнейшая судьба писем неизвестна.

О чем же сообщает Губенко – судя по всему, *единственная* читательница этой переписки? Ее информация, доверенная тому же Феокистову, весьма отличается от тех сведений, которые он счел нужным предать огласке.

Заметим: в своих письмах, касающихся М.Д. Исаевой, Достоевский неоднократно повторяет: «я честный человек». Он желает созидать свои

7. См. подробнее: Вайнерман В.С. Достоевский и Омск. Омск, 1991. С. 58-65.